

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОБРАЗА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ)

© 2023 г. Е. А. Доля

г. Москва

E-mail: netwarm@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

Аннотация. В статье обосновывается необходимость использования категории образа в процессе доказывания по уголовным делам. Утверждается, что от глубины познания и учета особенностей содержания и формы образов, используемых в доказывании, будет зависеть создание предпосылок для цифровизации и визуализации образов, разработки и реализации в последующем «саморазвивающихся» программ расследования и судебного разбирательства с использованием элементов искусственного интеллекта, а следовательно, и качественного повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом. Излагается авторская классификация образов, создаваемых и используемых следователем при осуществлении доказывания.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, собирание (формирование), проверка и оценка доказательств, идеальное, образ, создание и использование образов, орган предварительного расследования, следователь.

Цитирование: Доля Е.А. Использование категории образа в процессе доказывания по уголовным делам (постановка проблемы и ее решение на примере деятельности следователя) // Государство и право. 2023. № 11. С. 99–107.

DOI: 10.31857/S102694520028726-9

THE USE OF IMAGE CATEGORY IN THE PROCESS OF PROVING IN CRIMINAL CASES (FORMULATION OF THE PROBLEM AND ITS SOLUTION ON THE EXAMPLE OF INVESTIGATOR'S ACTIVITY)

© 2023 E. A. Dolya

Moscow

E-mail: netwarm@mail.ru

Received 02.05.2023

Abstract. The author of the article substantiates the need to use the category of image in the process of proving in criminal cases. He argues that the creation of prerequisites for the digitalization and visualization of images, the development and implementation of “self-developing” programs of investigation and trial with the use of elements of artificial intelligence will depend on the depth of knowledge and taking into account the features of the content and form of images used in proving. Consequently, the qualitative increase in the efficiency of criminal proceedings depends on this. The researcher offers his own classification of images created and used by the investigator in the process of proving.

Key words: proving, legal evidence, collection, verification and assessment of legal evidence, ideal, image, creation and using images, preliminary investigation body, investigator.

For citation: Dolya, E.A. (2023). The use of image category in the process of proving in criminal cases (formulation of the problem and its solution on the example of investigator's activity) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 99–107.

В теории, законодательстве и практике уголовного судопроизводства под доказыванием принято понимать деятельность органов предварительного расследования и суда по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств, необходимых для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и решения задач уголовного судопроизводства¹. Такое понимание отражает лишь внешнюю сторону сложнейшего процесса познания обстоятельств и фактов совершенного преступления, реализуемого в форме доказывания². В результате существо доказывания сводится к деятельности властных субъектов по собиранию и оперированию доказательствами (их проверке и оценке). Как следствие, от внимания исследователей ускользает, что в противоположно направленных движениях реального процесса доказывания промежуточного звена между фактами, обстоятельствами совершенного преступления и доказательствами, между совокупностью оцениваемых доказательств и результатами их оценки выступают образы³, т.е. идеальное⁴.

Отмеченный пробел объясняется тем, что в объективной реальности доказательства могут возникнуть и существовать в виде относимых и допустимых сведений, только в соответствующей материальной форме (устной или письменной), в которой они отделились от человека — источника доказательств⁵. «На “духе” с самого начала лежит проклятье — быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»⁶. Будучи выраженными в материальной форме, доказательства становятся доступными для восприятия. Это и создает иллюзию того, что в процессе доказывания его субъекты оперируют доказательствами (относимыми и допустимыми сведениями).

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966. С. 298; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 158; Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989. С. 605; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 109.

² В этой связи правильно отмечалось, что сущность уголовного процесса большей частью скрывается под покровом уголовно-процессуального доказывания (см.: Хохлов Ю.Н. О начале реализации уголовной ответственности (к вопросу о поиске правоотношения в оперативно-розыскной деятельности) // В сб.: Проблемы формирования уголовно-розыскного права (актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной, контрразведывательной, частной сыска, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности) / под общ. ред. А.Ю. Шумилова. М., 1998. Вып. 1. С. 67).

³ В статье при анализе процесса доказывания используется философское понятие образа как результата и идеальной формы отражения объекта в сознании человека, возникающей в условиях общественно-исторической практики, на основе и в форме знаковых систем (см.: БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 217).

⁴ Здесь и далее автор статьи основывается на трактовке идеального, разработанной в философии Э.В. Ильенковым, который под ним понимал «субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли» (см.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 212).

⁵ Под источником доказательства в статье понимается обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, эксперт, понятие и иные лица, занимающие определенное процессуальное положение, от которых исходят доказательства (подробнее об этом см.: Дорохов В.Я. Понятие источника доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981. М., 1981. С. 7–12; Доля Е. Источник доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12. С. 3–8; Его же. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65–70).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

В отличие от доказательств (сведений) образы значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств, созданные при производстве следственных и судебных действий в сознании лиц, являющихся источниками доказательств, по форме своего существования идеальны. Они недоступны для восприятия субъектами доказывания. «Человек не может передать другому человеку идеальное как таковое, как чистую форму деятельности»⁷.

Исходя из отмеченного и разделяя в целом вывод В.Я. Дорохова о том, что «в мышлении человека существуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, сведения о них»⁸, нельзя согласиться с заключительной частью его вывода, согласно которой наряду с образами в мышлении человека существуют, движутся и сведения о вещах, предметах. Признав, что в мышлении человека существуют, движутся сведения о вещах, предметах, автор вступил в противоречие с основной своей мыслью, выраженной в первоначальной части анализируемого вывода, в соответствии с которой «в мышлении человека существуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы...»⁹.

Признание существования движения в мышлении человека наряду с образами вещей, предметов и сведений о них ведет, хотя и в неясном виде, к отождествлению доказательств — сведений о вещах, предметах, выраженных в устной или письменной форме (материального), с их образами (идеальным). При этом не учитывается, что «идеальный образ предметной действительности... существует только как форма (способ, образ) живой деятельности, согласующаяся с формой ее предмета, но не как вещь, не как вещественно фиксированное состояние или структура»¹⁰.

Различие между образами фактов, обстоятельств и сведениями о них (доказательствами) подтверждает вывод, что в мышлении (властных и участвующих в доказывании субъектов) доказательства не могут существовать и двигаться в виде сведений. «В мышлении человека существуют, движутся...» только образы. Сведения (доказательства) материализуются в устной или письменной форме за пределами образов и мышления. Но их использование в мышлении субъектами познания в процессе доказывания происходит только в идеальной форме посредством образов¹¹.

Осуществляя доказывание — собирая¹², проверяя и оценивая доказательства (чувственное и рациональное

⁷ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 225.

⁸ Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. С. 242; Его же. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 207.

⁹ Отмеченное противоречие становится более зримым, учитывая, что при анализе гносеологической природы доказательств В.Я. Дорохов исходил из того, что они «становятся промежуточным звеном между сознанием следователя, судей и познаваемым событием преступления» (см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. С. 234; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 201). В данном случае цитируемый автор обоснованно вывел доказательства (относимые и допустимые сведения) за пределы сознания, следовательно, и мышления указанных субъектов.

¹⁰ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 225.

¹¹ Учитывая идеальный характер предмета настоящей статьи и обусловленную этим сложность его исследования, рамки проведенного анализа ограничены рассмотрением создания и использования образов в доказывании только одним субъектом уголовного процесса — следователем.

¹² Полагая, что термин «собрание доказательств» механистично, а поэтому и искаженно отражает данную часть доказывания, автор статьи

познание), следователь осознанно или неосознанно, но обязательно использует категорию образа. Прежде чем совершить любое действие, направленное на формирование и проверку доказательств, или принять при оценке совокупности доказательств соответствующее решение, он создает в своем сознании образ предполагаемого действия или решения. Руководствуясь содержанием указанных образов (идеальным), следователь определяет целенаправленность, характер, последовательность предстоящих реальных действий и принимаемых решений. Не создав соответствующих образов, он не сможет осуществить ни одного действия, не принять ни одного решения¹³.

«Идеальное есть не что иное, как совокупность осознанных индивидом всеобщих форм человеческой деятельности, определяющих как цель и закон, волю и способность индивида к деянию»¹⁴. От качества используемых образов, соответствия их содержания и формы положениям науки и требованиям закона (прежде всего уголовного и уголовно-процессуального), владения ими следователем зависит доброкачественность формируемых доказательств, обоснованность и законность принимаемых решений, адекватность достигаемых знаний о преступлении самому преступлению.

В связи с существенным значением образов для любого вида деятельности представляется актуальным вывод В.Я. Дорохова, согласно которому «глубиной познания и учета особенностей содержания и формы образов, используемых в уголовно-процессуальной деятельности, определяется уровень правового регулирования понятия доказательства и всего процесса доказывания (познания)»¹⁵. Основываясь на данном выводе, можно утверждать, что посредством формируемых под воздействием уголовно-процессуальной формы образов происходит целенаправленное регулирование поведения всех участников уголовного судопроизводства.

От глубины познания и учета особенностей содержания и формы образов, используемых в доказывании, будет зависеть развитие алгоритмизации процесса доказывания, создание предпосылок для цифровизации и визуализации образов, разработки и реализации в последующем «саморазвивающихся» программ расследования и судебного разбирательства с использованием элементов искусственного интеллекта, а следовательно, и качественного повышения эффективности

обосновывал необходимость использования в теории, законодательстве и практической деятельности органов предварительного расследования и суда вместо него термин «формирование доказательств» (подробнее об этом см.: Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 35, 36, 45, 46; Его же. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 92–115, 447–450; Его же. Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 2. С. 52–77).

¹³ О создании и использовании образов при формировании доказательств (развитии и завершении цикла «материальное – идеальное – материальное») см.: Доля Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. 2012. № 10. С. 47, 48; Его же. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 28, 29; Его же. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве. С. 65–69.

¹⁴ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 225.

¹⁵ Дорохов В.Я. Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 10.

уголовного судопроизводства в целом¹⁶. Именно это направление совершенствования судопроизводства соответствует Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹⁷.

Рассмотрим в самом общем виде, как осуществляется создание и использование образов следователем при производстве следственных действий, являющихся способами формирования доказательств, когда происходит движение процесса доказывания по направлению от фактов, обстоятельств совершенного преступления к доказательствам.

Так, в ходе допросов (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего) следователь, руководствуясь созданным в его сознании (при соблюдении требований уголовно-процессуальной формы) образом предстоящего допроса, предлагает допрашиваемому (обязывает его) дать показания об известных ему фактах и обстоятельствах, значимых для уголовного дела. Под воздействием поставленных вопросов допрашиваемое лицо создает в своем сознании образ данных фактов и обстоятельств, содержание которого выражает в устной форме, в виде исходящих от него показаний. Воспринимая указанные показания, следователь создает уже в своем сознании образ фактов и обстоятельств, о которых сообщило допрашиваемое лицо. Этот образ он использует при фиксации полученных показаний (ранее сформированного доказательства) в протоколе допроса. В результате показания допрошенных лиц (доказательства) сохраняются в материалах уголовного дела, становятся доступными для восприятия и использования участниками уголовного процесса (формирования и движения в их сознании соответствующих образов).

Без создания и использования образов невозможно обойтись и при осуществлении следственных действий, основу которых образует непосредственное восприятие следователем и другими участниками этих действий значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств, доступных восприятию органов чувств человека только в условиях производства данных действий. Речь идет об осмотрах, освидетельствованиях, обысках, выемках, задержаниях, следственных экспериментах, предъявлениях для опознания, т.е. о способах

¹⁶ На новые возможности развития и совершенствования в сфере осуществления правосудия, открываемые в связи с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обращается внимание в научных публикациях последних лет (см.: Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104; Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Росс. правосудие. 2018. № 6. С. 15–25; Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25; Марковичева Е.В. Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. 2019. Т. 1. № 1. С. 98–107; Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Н., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159; Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97). На необходимость использования следователями современных компьютерных программ, обеспечение доступа следователей к автоматизированным криминалистическим учетам, информационно-правовым системам, базам данных сети Интернет обращало внимание руководство Следственного комитета РФ (см.: приказ Председателя Следственного комитета РФ от 15.01.2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» (п. 1.32) // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // <http://www.sledcom.ru>).

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

формирования такого самостоятельного вида доказательств, как протоколы следственных и судебных действий.

Воспринимая при осуществлении перечисленных действий факты и обстоятельства, могущие иметь значение для уголовного дела, следователь создает в своем сознании их мысленные образы, содержание которых он отражает в соответствующих протоколах. В результате сформированные доказательства сохраняются в материалах дела, становясь доступными для восприятия и использования другими участниками уголовного процесса (формирования и движения в их сознании соответствующих образов). Создание и оперирование образами имеет место и в противоположно направленном движении процесса доказывания, реализуемом следователем на рациональном уровне познания при оценке доказательств. Речь идет о движении от совокупности собранных и проверенных доказательств к воссозданию частей преступления (посредством вынесения постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, признании потерпевшим, гражданским истцом и т.д.) и преступления в целом (при составлении обвинительного заключения).

Предлагаемый подход к анализу использования следователем образов в процессе доказывания в теории предпринимается впервые и будет реализован в самой общей форме¹⁸. Осуществление этого анализа связано с преодолением значительных трудностей, обусловленных не только отмеченной выше недоступностью для непосредственного восприятия предмета исследования, но и его необычайной сложностью¹⁹. При реализации этого подхода заключенное в образе обобщение используется как совершенно своеобразный способ отражения преступления следователем (равно как и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности).

Рассмотрение доказывания с точки зрения отражения следователем посредством создания и использования образов сначала фрагментарно, а потом все более полно и точно обстоятельств совершенного преступления позволяет выразить идею движения, развития в доказывании. При этом становится понятным и происходящий в процессе доказывания переход, «скачок» от фактов и обстоятельств совершенного преступления сначала к разрозненным образам данных фактов и обстоятельств (содержание которых

выражается в виде доказательств), потом к образам, отражающим отдельные существенные стороны преступления (выраженным в принимаемых промежуточных решениях), и наконец, к целостному образу преступления, созданному и выраженному на предварительном следствии в обвинительном заключении, а в суде в приговоре.

Дальнейший анализ будет сосредоточен на том, какие виды образов и как использует следователь в процессе доказывания при производстве по уголовному делу. Излагаемая ниже классификация образов – первый шаг в исследовании использования данным субъектом образов в процессе доказывания и поэтому носит условный характер. Сами же образы при этом рассматриваются в большей мере в статике, чем в движении, развитии их содержания. Развитие содержания указанных образов преднамеренно (по большей части) выведено за пределы анализа, поскольку, как отмечалось, представляет сложность, требует отдельного самостоятельного исследования. Такое решение обусловлено тем, что образы имеют не только многоуровневое строение, но и гетерархическую пространственно-временную структуру управления (координации и регуляции)²⁰. Рассмотрение процесса доказывания под углом зрения (через призму) формирования и использования следователем образов (в контексте всей его деятельности) позволяет выделить три вида образов, которые он создает и использует при подготовке, производстве следственных действий, подготовке и принятии процессуальных решений.

Первый вид – *абстрактно-целостный образ* конкретного состава преступления, сформированный в сознании следователя в процессе обучения в высшем учебном заведении. Он выражает правосознание следователя, его представленные относительно того, что согласно положениям теории уголовного права и уголовного процесса, действующего закона: считается преступлением вообще и конкретным составом преступления в частности; понимается под признаками преступления, поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела; является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования и т.д. Указанный абстрактно-целостный образ следователь использует на протяжении всего предварительного следствия, направляя, организуя и осуществляя деятельность по доказыванию в целом. Он постоянно соотносит с ним все иные создаваемые позднее и используемые им в ходе следствия виды образов, речь о которых пойдет далее. Исходя из того, насколько эти образы в своей части соответствуют абстрактно-целостному образу расследуемого преступления, следователь в самом общем виде определяет, какие действия и решения, в какой последовательности ему предстоит реализовывать в процессе доказывания.

¹⁸ По существу, он представляет дальнейшее развитие и конкретизацию обоснованной автором данной статьи идеи необходимости применения в теории уголовного судопроизводства категории идеального при анализе процесса доказывания (см.: *Доля Е.А.* Проблема идеального в теории уголовного процесса // Государство и право. 2018. № 1. С. 43–52). Содержащийся в данной статье вывод о том, что преступление является в мир дважды: первый раз, когда оно совершается; второй раз – в виде приговора суда, является незавершенным (см.: там же. С. 43). В действительности преступление является в мир трижды. Третий раз оно является в виде отбываемого лицом, совершившим преступление, назначенного судом наказания. При этом уголовная ответственность как «мера» совершенного преступления реализуется на данном этапе в форме соразмерной содеянному (отбываемой осужденным) «меры наказания». Преступление «возвращается» к преступнику.

¹⁹ Об этом свидетельствует целый ряд основных проблем, поставленных перед теорией образов восприятия и воображения несколько десятилетий назад: как осуществляется управление порождением и трансформацией образов; какова природа пространственности образов; почему образы не эпифеномены (не явления, сопутствующие некоторым физиологическим процессам) и как они управляют операциями мышления и действия; как осуществляется развитие восприятия и воображения и каковы критерии адекватности образов; что обеспечивает предметность образов и контрастность восприятия; каковы формы осознания (осмысления) образов; в чем заключаются особенности объяснения экспериментальных данных, полученных в психологических исследованиях восприятия и воображения (см.: *Беспалов Б.И.* Действие (Психологические механизмы визуального мышления). М., 1984. С. 77).

²⁰ Под гетерархией понимается «направленные друг на друга множества способов и условий, которые пересекаются и объединяются в объективно-субъективном пространстве-времени целостно активно-го тела и выполняемого человеком действия... такая гетерархия представляет собой две «взаимно пронизывающие» друг друга иерархии, то есть их «коалицию». При этом главный «центр» иерархии способов подчинен человеческой цели, пространственно-временная локализация которой является неопределенной (в отличие от результатов действия и представлений о них), а главный «центр» иерархии условий – предметному миру» (подробнее об этом см.: *Беспалов Б.И.* Указ. соч. С. 101; *Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Функциональная структура действия. М., 1982; *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982; *Его же.* Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева / под ред. А.В. Запорожца и др. М., 1983).

Второй вид образов условно может быть назван *абстрактно-ситуативным*. Следователь, осуществляя доказывание, использует множество образов этого вида. Их число пропорционально количеству действий и решений, реализуемых им в процессе доказывания. Они создаются в его сознании и используются им, исходя из прогнозируемого их места и роли в доказывании и с учетом особенностей предполагаемого следственного действия (являющегося способом формирования доказательств) или решения.

Так, в зависимости от вида предстоящего к формированию доказательства следователь образует абстрактно-ситуативный мысленный образ этого доказательства. При этом он исходит из особенностей, присущих содержанию и форме соответствующего вида доказательства, достигнутых на данный момент знаний о подлежащих доказыванию фактах и обстоятельствах, новые (дополнительные) сведения о которых предполагается получить. Руководствуясь содержанием созданного образа, он решает целый ряд вопросов, связанных с существом предстоящего следственного действия. К их числу относятся следующие вопросы: имеются ли основания для производства планируемого следственного действия; с какой целью оно будет производиться; кто будет его участниками; каково процессуальное положение и роль каждого из участников в предстоящем действии; в какой последовательности указанное действие предполагается осуществить (с точки зрения закона и криминалистической тактики); какие технические средства в ходе следственного действия целесообразно применить; каким образом будут оформляться результаты следственного действия.

К созданию и использованию абстрактно-ситуативных образов следователь прибегает и перед принятием промежуточных и итоговых решений по уголовному делу (перед оценкой ограниченной или всей совокупности доказательств). Эти образы он формирует с учетом требований закона, предъявляемых к характеру и содержанию предстоящего решения, наличия необходимой совокупности доказательств, предусмотренных оснований, условий, и обязательно принимая во внимание обстоятельства уголовного дела, сложившиеся на данный момент.

Третий вид образов, используемых следователем в доказывании, условно может быть назван *конкретно-результативным*. Образы этого вида рождаются и используются в его сознании в результате производства следственных действий по формированию доказательства, принятия им промежуточных и итоговых решений по уголовному делу. Указанный вид образов представляет собой субъективные образы объективной реальности, являющиеся результатом отражения (познания) следователем обстоятельств и фактов, имеющих значение для уголовного дела (фрагментов, частей и всего преступления в целом), в формах осуществленных следственных действий и принятых им решений. Содержание этого вида образов, достигаемое и выражаемое в предусмотренных уголовно-процессуальным законом материальных формах (устной или письменной), образует существо сформированных и проверенных следователем доказательств, существо принятых им (на основе совокупности доказательств) промежуточных и итоговых процессуальных решений.

Рассмотрим несколько подробнее создание и использование следователем соответствующих образов на примере формирования и проверки наиболее распространенного доказательства — показаний свидетеля.

Перед допросом свидетеля следователь, опираясь на положения теории уголовного процесса, требования уголовно-процессуального закона, создает абстрактно-ситуативный

образ того вида доказательств, к которому принадлежат показания свидетеля. Этот образ охватывает особенности, присущие содержанию и форме показаний свидетеля, которые в своей совокупности образуют процессуальный режим их формирования и использования в уголовном процессе. Создавая указанный образ, следователь концентрирует свое внимание на том, что: с точки зрения содержания (характера и объема сведений о преступлении) показания свидетеля могут нести сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (связанных с действиями лиц, совершивших преступление), воспринятых им лично или со слов других лиц; правовое положение свидетеля (как источника доказательства) характеризуется тем, что он является лицом, не привлеченным к уголовной ответственности по данному делу, обязанным явиться на допрос, сообщить все известное о расследуемом преступлении (ответить на поставленные вопросы) и несущим уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; способом формирования показаний свидетеля выступает допрос свидетеля; источником фактических данных в показаниях свидетеля является его устное сообщение, полученное на допросе.

Исходя из содержания сформированного абстрактно-ситуативного образа предполагаемых показаний свидетеля, следователь, учитывая обстоятельства расследуемого уголовного дела, имеющиеся доказательства и другие значимые для предстоящего допроса данные, решает целый ряд вопросов. Он намечает предмет допроса; определяется с кругом его участников; актуализирует в своем сознании их права, обязанности, ответственность, место и роль в предстоящем действии; определяет предусмотренный законом порядок производства допроса и оформления его результатов; намечает тактику допроса; решает, какие технические средства и каким образом могут быть применены в ходе допроса; устанавливает время, место допроса, порядок вызова свидетеля.

Руководствуясь содержанием этого абстрактно-ситуативного образа показаний свидетеля, следователь в начале допроса (со ссылками на соответствующие статьи Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов РФ) разъясняет его участникам: что будет производиться следственное действие (допрос свидетеля) в целях получения сведений о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (и какого именно); процессуальное положение и роль каждого из них в допросе; порядок производства допроса, применения на допросе конкретных технических средств; процедуру составления протокола, ознакомления с ним, внесения в него дополнений и поправок. Таким образом, следователь фокусирует внимание участников допроса на цели, ради достижения которой они привлечены к участию в следственном действии. Это позволяет им правильно осознать свое процессуальное положение, создать представление, о чем пойдет речь на допросе, понять, каким образом реализация возложенных на них обязанностей, предоставленных прав, может сказаться на содержании формируемых показаний свидетеля.

В результате использования следователем в процессе допроса отмеченного выше абстрактно-ситуативного образа под воздействием заданных вопросов будет сформирован конкретно-результативный образ значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств. Содержание этого образа свидетель выразит в виде исходящего от него устного сообщения (сведений об этих фактах и обстоятельствах), которое и образует сформированное таким образом доказательство — показания свидетеля.

Восприняв в ходе допроса исходящие от свидетеля сведения о значимых для уголовного дела фактах и обстоятельствах, задав ему в случае необходимости вопросы, следователь создаст конкретно-результативный мысленный образ данных фактов и обстоятельств. Его содержание он отразит в письменном виде в протоколе допроса свидетеля. Составление указанного протокола будет представлять собой использование следователем сформированного доказательства (устного сообщения свидетеля) в целях сохранения его в материалах уголовного дела.

Полученные в результате допроса показания свидетеля должны быть проверены (ст. 87 УПК РФ). Приступая к их проверке, следователь актуализирует в своем сознании понятие проверки доказательств, ее место и роль в процессе доказывания, требования закона, предъявляемые к ней. При этом он, опираясь на конкретно-результативный образ данных показаний, создаст абстрактно-ситуативный образ предстоящих действий по их проверке. Руководствуясь этим абстрактно-ситуативным образом, следователь подвергнет анализу и синтезу конкретно-результативный образ проверяемых показаний свидетеля, сопоставит его с содержанием иных конкретно-результативных образов, имеющих в уголовном деле доказательств, связанных с проверяемым доказательством через отображаемые факты. При их совпадении он может сформулировать вывод о соответствии содержания проверяемого образа (а следовательно, проверяемого доказательства, других доказательств, использованных при проверке) действительности. На этом проверка показаний свидетеля посредством оперирования в мышлении данными образами будет завершена²¹.

В тех случаях, когда в результате сопоставления указанных образов следователь обнаружит их полное или частичное несовпадение, то, исходя из характера этого несовпадения, он сделает вывод о необходимости производства дополнительных следственных действий, направленных на получение новых (недостающих для завершения проверки) доказательств. При их формировании, анализе и синтезе, сопоставлении с проверяемыми показаниями свидетеля следователь будет использовать соответствующие абстрактно-целостные, абстрактно-ситуативные и конкретно-результативные образы. Создавая и используя указанные образы, он должен учитывать и особенности, присущие тем или иным видам формируемых в ходе проверки новых доказательств.

После проверки показания свидетеля (равно как и иные доказательства) используются в дальнейшем процессе доказывания при оценке в совокупности с другими собранными и проверенными доказательствами (ст. 17, 88 УПК РФ). Под оценкой доказательств в уголовном процессе, как правило, понимается мыслительная деятельность, представляющая собой определение достоверности и значения каждого доказательства и всех их в совокупности с тем, чтобы на этой основе сформулировать вывод о фактических обстоятельствах совершенного преступления.

Оценку доказательств следователь осуществляет, оперируя совокупностью доказательств.

Оценка доказательств на предварительном следствии реализуется в форме принятия предусмотренных законом промежуточных и итоговых процессуальных решений,

²¹ Более подробно о проверке доказательств на стадии предварительного расследования см.: *Доля Е.А.* Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 54–60.

представляющих собой продолжение на рациональном уровне процесса познания, осуществляемого в форме доказывания²².

Требования закона относительно оценки следователем (равно как и другими властными субъектами) каждого доказательства и всех доказательств в совокупности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) может быть выполнено только посредством создания и использования в его сознании образов, сформированных на основе оцениваемых доказательств. Минута оперирования указанными образами, он не сможет решить вопрос о достаточности доказательств для установления существенных сторон преступления (промежуточные решения), окончания предварительного следствия с обвинительным заключением (итоговое решение).

Перед принятием того или иного процессуального решения следователь создает его мысленный абстрактно-ситуативный образ. При этом он исходит из общих положений науки уголовного процесса, требований уголовно-процессуального закона относительно формы и содержания процессуальных решений вообще и относительно формы и содержания того вида решения, которое предстоит принять. Руководствуясь данным образом, он выделяет из имеющихся в деле доказательств ту их совокупность, используя которую предполагается получить новое выводное знание о части преступления (промежуточные решения) или обо всем преступлении (обвинительное заключение). Оперировав конкретно-результативными образами, выражающими содержание доказательств, входящих в указанную совокупность, следователь создает конкретно-результативный образ, воспроизводящий часть преступления или преступление в целом. Происходит это в ходе мыслительного процесса, когда, используя указанные образы, он устанавливает существующие между ними связи, отношения, зависимости, являющиеся отражением объективных связей, отношений, зависимостей, присущих фактам и обстоятельствам совершенного преступления.

При этом следователь постоянно соотносит содержание данных образов, с одной стороны, с содержащимся в его сознании абстрактно-целостным образом преступления, по признакам которого возбуждено и расследуется уголовное дело, а с другой – с фактами и обстоятельствами, образовавшими преступление, которые были установлены в процессе доказывания посредством создания и использования соответствующих конкретно-результативных образов. В результате, как отмечалось, он создает в своем сознании конкретно-результативные образы частей (промежуточные решения) либо всего расследуемого им преступления (итоговое решение), устанавливая части объективной истины и объективную истину по уголовному делу в единстве результата и ведущего к нему пути.

Примером промежуточного решения, принимаемого в ходе предварительного следствия, является решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, закон обязывает

²² Нельзя поддержать точку зрения авторов, не учитывающих гносеологическую природу процессуальных решений и исключающих их из процесса познания, реализуемого в форме доказывания (см., напр.: *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 118, 119; *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 12; *Доля Е.* Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 5–9).

следователя вынести постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Сами по себе доказательства не могут образовать требуемую законом достаточную совокупность, дающую основание для обвинения лица в совершении преступления. Они (доказательства) «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять»²³ и выразить ту часть действительности, в которой нашло отражение лицо, совершившее преступление. Заставить сами доказательства (сведения) двигаться указанным способом невозможно. Следователь может осуществить это движение только мысленно, используя вместо доказательств (относимых и допустимых сведений) образы, созданные им на основе доказательств. В ходе и результате этого мысленного движения он приходит к выводу о наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления.

При оперировании образами, одни из которых прямо и непосредственно, другие косвенно, третьи опосредованно отражают отдельные факты и обстоятельства (или их группы), связанные с лицом, совершившим преступление, следователь создает конкретно-результативный образ, содержание которого однозначно указывает на лицо, совершившее преступление. Действия именно этого лица образуют одно из существенных обстоятельств, подлежащих доказыванию по расследуемому уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Когда образы, созданные на основе оцениваемой совокупности доказательств, не позволяют следователю сформировать конкретно-результативный образ, однозначно указывающий на лицо, совершившее преступление, а созданный им образ дает лишь вероятностное представление о том, кем оно совершено, основания для предъявления обвинения отсутствуют. В этом случае необходимо продолжить формирование и проверку недостающих доказательств, отсутствие которых не позволило получить выводное знание о лице, совершившем преступление, путем формирования образа, однозначно указывающего на это лицо.

Исходя из неполноты, неточности, противоречивости образа (не позволившего сделать однозначный вывод о том, кем совершено преступление), следователь создает представление (абстрактно-ситуативный образ) о доказательствах, недостающих для решения вопроса о предъявлении обвинения, способах их формирования, последовательности осуществления соответствующих действий. И в данном случае он не может обойтись без использования соответствующих образов в ходе формирования, проверки недостающих доказательств, необходимых для получения выводного знания о лице, совершившем преступление, в виде соответствующего конкретно-результативного образа (создаваемого, реализуемого и материализуемого в форме постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого).

Использование следователем образов при принятии итоговых решений по расследуемому уголовному делу происходит в основном по приведенной выше схеме, отражающей создание и оперирование образами на рациональном уровне познания в процессе принятия промежуточных решений при оценке ограниченных совокупностей доказательств.

Принимая итоговые решения в ходе оценки доказательств, следователь актуализирует и вовлекает в осуществляемый им мыслительный процесс не только образы, которые он использовал, принимая промежуточные решения, но и всю совокупность образов, созданных и использованных им в процессе доказывания на протяжении всего предварительного следствия. Сообразно этому в геометрической прогрессии увеличивается не только число образов, которыми он оперирует в мыслительном процессе, принимая итоговые решения, но и возрастает сложность осуществляемых им мыслительных операций.

* * *

Завершая в самом общем виде рассмотрение проблемы использования следователем образов в процессе доказывания по уголовным делам, следует отметить, что их создание, оперирование ими происходит под воздействием требований уголовно-процессуальной формы, как совокупности проверенных практикой, осознанных и используемых им всеобщих форм человеческой деятельности, конкретизированных применительно к уголовному судопроизводству.

Формируя и используя в процессе доказывания образы, следователь не ограничивается только познанием обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Одновременно, и это следует подчеркнуть особо, он преобразует окружающую действительность, создавая и реализуя новые, не существовавшие до этого правоотношения, необходимые не только для познания обстоятельств совершенного преступления, но и обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств. При этом он преобразует и себя, свое сознание и волю, выходя на новый уровень отражения, осознания и преобразования действительности, способствующий развитию личности, общества и государства. Таким образом, следователь (равно как и другие субъекты уголовно-процессуальной деятельности) становится создателем, творцом развивающихся общественных отношений.

Предложенный подход к решению проблемы использования категории образа в доказывании по уголовным делам является лишь первым шагом в данном направлении. Многие из вышеизложенного носят дискуссионный характер, нуждаются в дальнейшем исследовании. Однако и сама постановка проблемы, и содержащееся в статье ее решение могут представлять интерес для науки, совершенствования законодательства и практики уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 158.
2. БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 217.
3. Беспалов Б.И. Действие (Психологические механизмы визуального мышления). М., 1984. С. 77, 101.
4. Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева / под ред. А.В. Запорожца и др. М., 1983.
5. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
6. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.

7. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982.
8. Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104.
9. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 35, 36, 45, 46.
10. Доля Е. Источник доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12. С. 3–8.
11. Доля Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. 2012. № 10. С. 47, 48.
12. Доля Е.А. Проблема идеального в теории уголовного процесса // Государство и право. 2018. № 1. С. 43–52.
13. Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 54–60.
14. Доля Е. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65–70.
15. Доля Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 28, 29.
16. Доля Е. Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 5–9.
17. Доля Е.А. Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 2. С. 52–77.
18. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 92–115, 447–450.
19. Дорохов В.Я. Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 10.
20. Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 201, 207.
21. Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966. С. 242.
22. Дорохов В.Я. Понятие источника доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981. М., 1981. С. 7–12.
23. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 212, 225.
24. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Росс. правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.
25. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989. С. 605.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.
27. Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.
28. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Н., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.
29. Марковичева Е.В. Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. 2019. Т. 1. № 1. С. 98–107.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.
31. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 12.
32. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 109.
33. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 118, 119.
34. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966. С. 234, 298.
35. Хохлов Ю.Н. О начале реализации уголовной ответственности (к вопросу о поиске правоотношения в оперативно-розыскной деятельности) // В сб.: Проблемы формирования уголовно-розыскного права (актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной, контрразведывательной, частной сысковой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности) / под общ. ред. А.Ю. Шумилова. М., 1998. Вып. 1. С. 67.

REFERENCES

1. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. An essay on the development of science of the Soviet Criminal Process. Voronezh, 1980. P. 158 (in Russ.).
2. BSE: in 30 vols. / ch. ed. A.M. Prokhorov. 3rd ed. M., 1974. Vol. 18. P. 217 (in Russ.).
3. Bepalov B. I. Action (Psychological mechanisms of visual thinking). M., 1984. P. 77, 101 (in Russ.).
4. Velichkovsky B. M. The image of the world as a heterarchy of reference systems // A. N. Leontiev and modern psychology: collection of articles in memory of A. N. Leontiev / ed. by A. V. Zaporozhets et al. M., 1983 (in Russ.).
5. Velichkovsky B. M. Modern cognitive psychology. M., 1982 (in Russ.).
6. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution // Herald of Economic Security. 2019. No. 1. P. 15–25 (in Russ.).
7. Gordeeva N. D., Zinchenko V. P. Functional structure of action. M., 1982 (in Russ.).
8. Denisov I. S. Development of electronic justice in Russia // Herald of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (77). P. 101–104 (in Russ.).
9. Dolya E. A. Use in proving the results of operational investigative activities. M., 1996. P. 35, 36, 45, 46 (in Russ.).
10. Dolya E. Source of evidence in criminal proceedings // Legality. 2011. No. 12. P. 3–8 (in Russ.).
11. Dolya E. A. Operational information: origin and correlation with evidence // Legality. 2012. No. 10. P. 47, 48 (in Russ.).
12. Dolya E. A. The problem of the ideal in the theory of criminal procedure // State and Law. 2018. No. 1. P. 43–52 (in Russ.).
13. Dolya E. A. Verification of evidence in the Russian criminal process (stage of preliminary investigation) // Pravovedenie. 1994. No. 1. P. 54–60 (in Russ.).
14. Dolya E. The origin of evidence in criminal proceedings // Legality. 2016. No. 10. P. 65–70 (in Russ.).
15. Dolya E. The results of operational investigative activities cannot become the content of evidence in Criminal Proceedings // State and Law. 2013. No. 5. P. 28, 29 (in Russ.).
16. Dolya E. The content of the truth established in criminal proceedings // Legality. 2013. № 11. P. 5–9 (in Russ.).
17. Dolya E. A. The formation of evidence in Criminal Proceedings // In the collection: Prospects for the development of Criminal Procedural Law and criminalistics: materials of the International Scientific and Practical Conference M., 2013. Part 2. P. 52–77 (in Russ.).
18. Dolya E. A. The formation of evidence based on the results of operational investigative activities. M., 2009. P. 92–115, 447–450 (in Russ.).

19. *Dorokhov V. Ya.* The general concept of evidence in the Soviet Criminal Process. M., 1981. P. 10 (in Russ.).
20. *Dorokhov V. Ya.* The concept of evidence // Theory of evidence in the Soviet Criminal Process. M., 1973. P. 201, 207 (in Russ.).
21. *Dorokhov V. Ya.* The concept of proof // Theory of evidence in the Soviet Criminal Process. Part General. M., 1966. P. 242 (in Russ.).
22. *Dorokhov V. Ya.* The concept of a source of evidence // Actual problems of proof in the Soviet Criminal Process. Abstracts of speeches at the theoretical seminar held by the Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on March 27, 1981. M., 1981. P. 7–12 (in Russ.).
23. *Ilyenkov E. V.* Philosophy and Culture. M., 1991. P. 212, 225 (in Russ.).
24. *Kleandrov M. I.* Reflections on the topic: can a robot be a judge? // Russ. Justice. 2018. No. 6. P. 15–25 (in Russ.).
25. The course of the Soviet Criminal Process: The General part. M., 1989. P. 605 (in Russ.).
26. *Lenin V. I.* Complete works. Vol. 29. P. 131 (in Russ.).
27. *Malina M. A.* The use of artificial intelligence in the administration of justice in criminal cases: problems and prospects // State and Law. 2022. No. 1. P. 91–97 (in Russ.).
28. *Mal'ko A. V., Afanasyev S. F., Borisova V. N., Krotkova N. V.* Problems of digitalization in the sphere of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159 (in Russ.).
29. *Markovicheva E. V.* The impact of digital technologies on the development of criminal proceedings // Justice. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 98–107 (in Russ.).
30. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 3. P. 29 (in Russ.).
31. *Orlov Yu. K.* Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings: scientific and practical manual. M., 2000. P. 12 (in Russ.).
32. *Orlov Yu. K.* Problems of the theory of evidence in Criminal Proceedings. M., 2009. P. 109 (in Russ.).
33. *Polyansky N. N.* Questions of the theory of the Soviet Criminal Process. M., 1956. P. 118, 119 (in Russ.).
34. Theory of evidence in the Soviet Criminal Process. Part General. M., 1966. P. 234, 298 (in Russ.).
35. *Khokhlov Yu. N.* On the beginning of the implementation of criminal responsibility (on the issue of finding a legal relationship in operational investigative activities) // In the collection: Problems of the formation of criminal investigation law (topical issues of legal regulation of operational investigative, counterintelligence, private detective, criminal procedural and criminal executive activities) / under the general ed. A. Yu. Shumilov. M., 1998. Issue 1. P. 67 (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОЛЯ Евгений Афанасьевич —
кандидат юридических наук, доцент;
г. Москва

Authors' information

DOLYA Evgeny A. —
PhD in Law, Associate Professor;
Moscow, Russia